

P 20
36

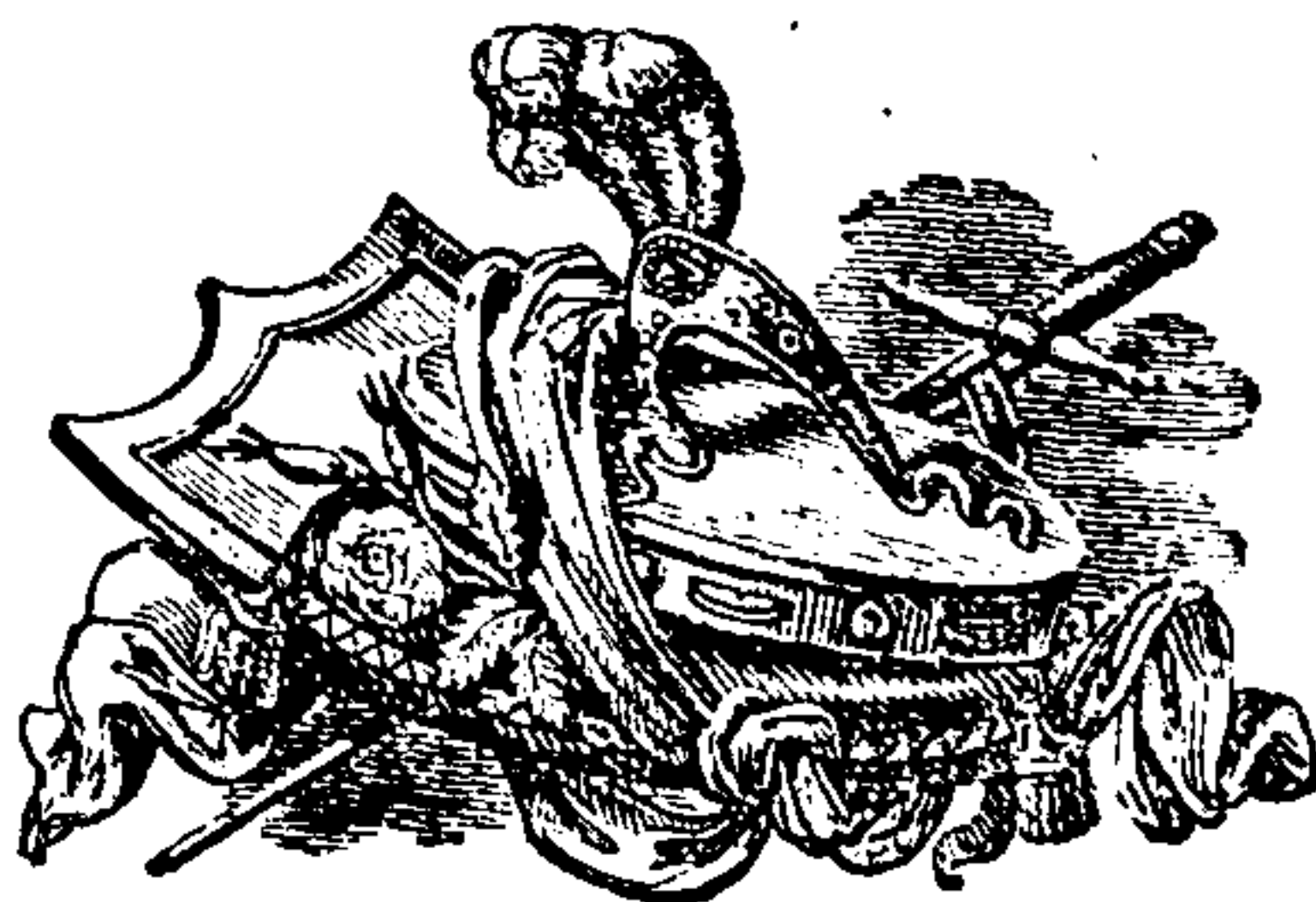
9/20
36.
ПИСЬМА

ИЗЪ

БОЛГАРИИ.

(ПИСАНЫ ВО ВРЕМЯ КАМПАНИИ 1829 ГОДА)

ВИКТОРОМЪ ТЕПЛЯКОВЫМЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

MDCCCXXXIII.

116

ПИСЬМА

ИЗЪ

БОЛГАРИИ.

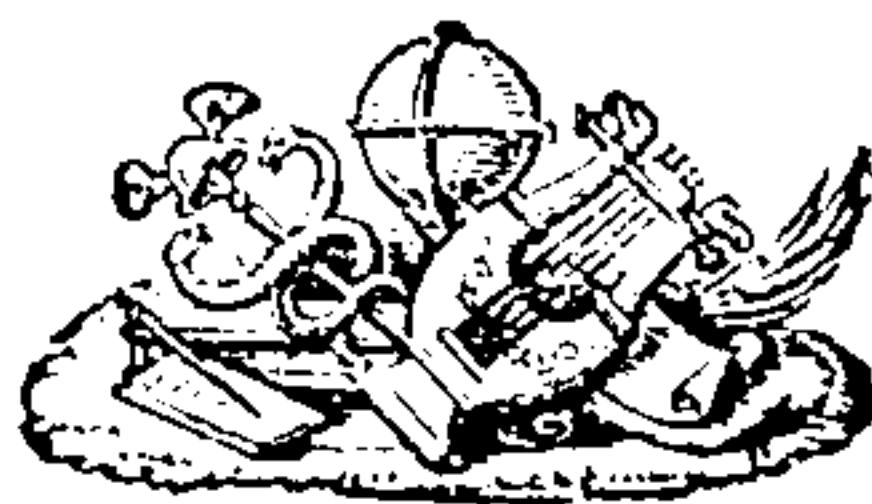
ПИСЬМА

ИЗЪ

БОЛГАРИИ

(ПИСАНЫ ВО ВРЕМЯ КАМПАНИИ 1829 ГОДА)

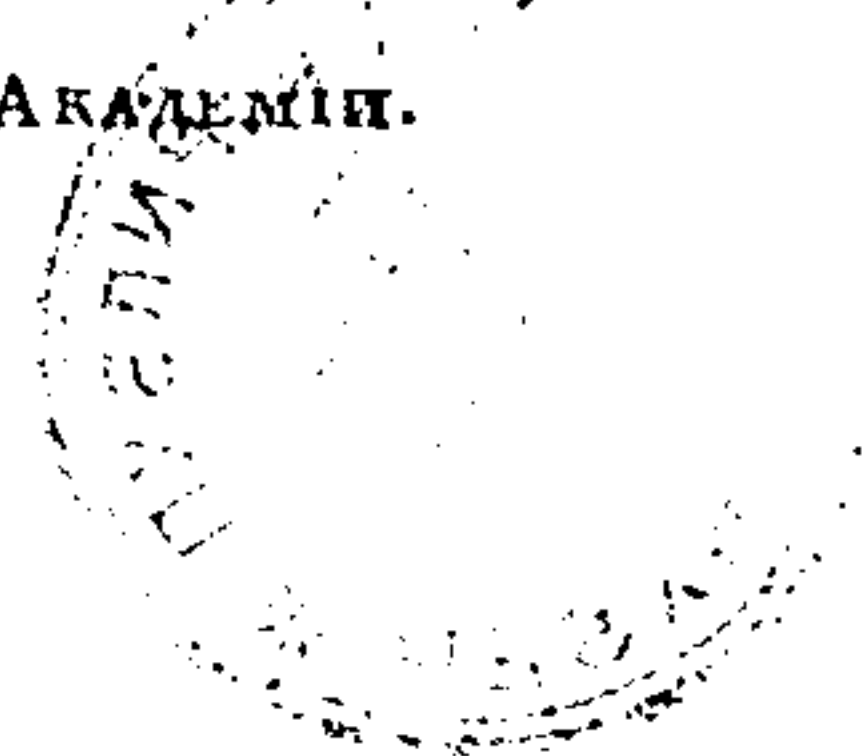
ВИКТОРОМЪ ТЕПЛЯКОВЫМЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

~~~~~
MDCCCXXXIII.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три Экземпляра.
С-Петербургъ. 22 Марта 1833 года.

Ценсоръ А. Крыловъ.

2007042739

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ изобиліи частныхъ записокъ, столь общемъ нашему времени, отражается можетъ быть всего болѣе наблюдательный духъ вѣка. Если даже этакъ избытокъ подробностей переступаетъ за предѣлы современной любознательности, то не въ сихъ-ли самыхъ подробностяхъ—апомахъ настоящаго — заключаются матеріалы болѣе или менѣе богатые для будущаго? Если судьба частныхъ лицъ, если множество мѣлочныхъ обстоятельствъ раздробляются нынѣ столь *анатомически* передъ нами, то не изъ этой-ли самой безконечности цвѣтовъ и опшѣнковъ со-

ставився въ послѣдствіи времени картина вѣка, съ его свѣтомъ и сумракомъ, съ его колоссальными и мирмидонскими событіями?

Увлеченный вовсе неожиданно на поприще достопамятной войны 1829го года, производя по волѣ Правительства, свои археологическія розыски въ древней Мизіи и Фракіи, окруженный роями вѣковыхъ воспоминаній, картинами пылавшихъ битвъ, совокупностью новыхъ лицъ и природы, сочинитель предлагаемыхъ писемъ сообщалъ намъ плоды своихъ замѣчаній о « странахъ классическихъ, о странахъ столь еще мало извѣстныхъ. » — Краткій отчетъ о семъ путешествіи, изданный немедленно по возвращеніи автора изъ Турціи, возбудилъ желаніе нѣкоторыхъ Европейскихъ журналовъ: знать подробности странствія, коего поверхностныя черты показались въ то время довольно любопытными. — Достаточный вызовъ для сообщенія сихъ подробностей нашей образованной публикѣ.

Причины, замедлявшія до сего времени изданіе *Писемъ изъ Болгаріи*, вовсе не опъ насъ зависѣли. Если авторъ оныхъ не оспаривалъ относительной занимательности своего путешествія—занимательности археологической, статистической, топографической и проч., то все постороннее симъ предметамъ, препятствовало намъ до сихъ поръ получить его согласіе касательно сообщенія свѣту находившихся въ рукахъ нашихъ писемъ. Очерки впечатлѣній, возбужденныхъ въ его сердцѣ яркимъ разнообразіемъ предметовъ: искры живой внутренней дѣятельности, и голосъ душевнаго упомненія; тепло огнекрылаго энтузіасма, и морозъ мрачнаго скептицизма; жало тоски въ устахъ ѣдкой сардонической *томористики*, и зѣвопа ледянаго безстрастія; поэтическія воспоминанія передъ грудami вѣковыхъ развалинъ, и опъ нихъ—невольныя обращенія къ себѣ самому, къ тернію бурной, поправанной жребіемъ юности. . . . . вопъ что авторъ нашъ именуетъ *личностью*

ни для кого не занимательныхъ *изліяній*. Пусть, впрочемъ, онъ самъ объяснитъ читателямъ и прямую цѣль своего странствія, и причины, скрывавшія доселѣ подъ спудомъ его « *разнохарактерныя* » письма. Вотъ отвѣтъ на послѣднее наше предложеніе, касательно изданія оныхъ.

Одесса, 4го Января 1833.

Б р а т ь   и   Д р у г ь ,

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1829го года, дней за пять до отплытія своего въ Болгарію, посѣтилъ я покойнаго Г. Бларамберга, Іерофанта нашей Таврической Археологіи. Въ слѣдствіе чего и какимъ образомъ долженъ я былъ прогуляться въ древнюю Мизію, извѣстно вамъ прежде, нежели *импровизированный* Антикварій приготовился исполнить велѣніе странной судьбы своей...—И пакъ, дней за пять до моего путешествія, бесѣдовалъ со мною

Г. Бларамбергъ. Если его пламенные усилія сдѣлашь меня, въ продолженіе сихъ пяти сутокъ, *адептомъ* Археологіи, возбуждали мою внутреннюю усмѣшку, то будьте увѣрены, что наружность моя предсказывала въ это время всю благоговѣйную любознательность *неофита*. Сему-то грѣшному *фарисейству* обязанъ я входомъ въ *sanctum sanctorum* почтеннаго Аншикварія.

Кабинетъ Лерда Монкбернскаго вамъ извѣстенъ: а потому, счишаю за лишнее говорить о хаосѣ книгъ и бумагъ, чертежей, плановъ, снимковъ, рисунковъ, медалей, древнихъ мраморовъ, урнъ, многоразличныхъ черепковъ и тому подобныхъ чудесъ, кои, подъ эгидомъ раскрышаго Справона, украшали *sænobitium* Г. Бларамберга.

Послѣ безконечныхъ толковъ о древней Одессѣ, или *Одиссосѣ*, о Діонисополѣ, или Кринахъ, или *Крунисѣ*, объ Испрополисѣ, или Испросѣ, или *Вистрїи*, я машинально принялся листовать поверженнаго предо мною Справона. Листовъ

валь, и думаль : какимъ образомъ удалось Батюшкову такъ хорошо написать свое *похвальное слово ему?* — Листоваль , и поширая глаза , старался побороть свою непростительную зѣвоту. Мало-по-малу однакожь, наркотическія строки фоліанта начали передо мною блѣднѣть и разсѣиваться ; но вдругъ-они почернѣли, сгустились. . . . — и въ одинъ мигъ благодѣтельная дремота была уже за три-девять земель отъ очей моихъ.

Вошъ чпо совсѣмъ неожиданно попалось миѣ на одной изъ роковыхъ страницъ древняго Греческаго географа.

« Если Справонъ » — замѣчаетъ Французскій переводчикъ его — « столь сильно запруднялся въ объясненіи сихъ справъ (Мизіи, Эракіи и проч.) » то чпо-же можно сказать о нихъ теперь, послѣ новыхъ, осмнадцати-вѣковыхъ опустошеній, когда слѣды сихъ древнихъ народовъ , развалины сихъ древнихъ городовъ и даже самыя названія мѣстъ навсегда изглажены! — Прибавимъ » — продолжаетъ переводчикъ — « чпо мы не имѣемъ еще

никакихъ положительныхъ свѣденій о внутренности Иаліріи, Эпира, Македоніи, Фракіи, Фессаліи и проч., и проч. »

Утѣшительно! подумаль я, и простясь съ Г. Бларамбергомъ, завернулъ мимоходомъ къ одному изъ здѣшнихъ книгопродавцевъ. Мнѣ вздумалось заглянуть въ Мальпё-Брюна.

«Весь обширный четвероугольникъ» — говоритъ сей послѣдній — «между Кавалою, Филиппополемъ, Адрианополемъ; все теченіе Нестуса, Сізмуса и Герпессуса; всѣ поэтическія долины Родопе суть *terra incognita*, обиталище племенъ Болгарскихъ, Албанскихъ, и, можетъ быть, Фракійскихъ.»

Присоединивъ къ сему безусловному *terra incognita* миліонъ другихъ препятствій: чуму, перуны окружавшей меня войны, и, всего болѣе — совершенную ничтожность вещественныхъ средствъ моихъ, благоволише сказать, можно-ли безъ несправедливости требовать отъ меня какой — нибудь важной, Деноновской глубины замѣчаній?

За всѣмъ тѣмъ, открытые и пріобрѣтенные мною памятники древности: 36 кусковъ мрамора съ надписями и барельефами; 89 медалей золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ (изъ коихъ болѣе 50-ти — древнія Греческія); двѣ вазы (найденныя въ Сизополѣ); двѣ статуи: бронзовый Амуръ и небольшой женскій бюстъ (купленныя въ Анхіалѣ); огромный Анхіалскій саркофагъ и наконецъ — дивныя Гебеджинскія развалины преобладали, вмѣстѣ съ живописной красотою природы, вмѣстѣ съ роемъ чувствъ, мыслей и впечатлѣній, возбужденныхъ въ душѣ моей — и волшебствомъ вѣковыхъ воспоминаній, и пестротой окружавшихъ меня предметовъ, и странностью моего собственнаго, столь загадочнаго, столь праги-комическаго положенія; все это — говорю я — преоблоало отъ моего переполненнаго сердца обыкновенной, по есть, чернильной исповѣди. Я рѣшился писать вамъ изъ Турціи.

Писалъ — и, не заботясь даже о прешъ-
 { емъ лицъ, говорилъ безъ разбору обо

всемъ , что поражало мой взоръ , мой слухъ , мое сердце и голову.

Но теперь , когда , рѣшась осудить наши эпистолы : *Ex Mæsia*, на анаптомию ученыхъ , *стилистосъ* и публики ; когда вооруженные словами Шатобриана , вы говорите — что « *Путешествія* сливаютъ въ себѣ поэзію съ бытописаніемъ , что развалины и гробницы открываютъ намъ истины , коихъ невозможно узнать во всякомъ другомъ мѣстѣ » — то позвольте освѣдомиться , многие-ли изъ читателей вашихъ *народныхъ* Русскихъ романовъ симпатизируютъ съ подобными мыслями?

Безъ сомнѣнія :

Tout est beau , tout est bon , tout est grand à sa place ;

но , потому-ли , что въ мірѣ попадаются , какъ замѣчаетъ Ройе - Колларъ , существа *индивидуальныя* , коихъ участь не имѣетъ ничего общаго съ участью *массъ* , или почему другому — я откровенно скажу вамъ , что обожая просторъ , отнюдь не преслѣдую этой химерической , непо-

спижимой, *исключительной* народности, копорая теперь въ такой модѣ на ва-шемъ Великороссійскомъ Парнассѣ. Довольно! Вы видите, что подобною исповѣдью я самъ произнесъ рѣшительный приговоръ своей книгѣ; но прошу замѣтить, что будучи врагомъ всякой полемики, что любя вообще самобытность, что оппюдь не заботясь о *народности* своего *лизнаго* воззрѣнія на предметы, я душой уважаю литературныя и другія мнѣнія всѣхъ и каждаго, ибо желаю оспаться въ покоѣ при своихъ собственныхъ.

Впрочемъ, вотъ въ чемъ главное дѣло. *Письма изъ Болгаріи* подавлены, такъ сказать, *плеоназмомъ* чувствъ, мыслей, воспоминаній, постороннихъ для напудренныхъ пылью педантовъ, хотя и возбужденныхъ картинами тѣхъ-же самыхъ гробницъ, тѣхъ-же самыхъ развалинъ, тѣхъ-же самыхъ памятниковъ древности, въ изображеніи коихъ заключалась прямая цѣль моего странствія. Но куда-же дѣваться съ этой *лизностью* изліяній, коихъ я оппюдь не желалъ никому, кромѣ